

ДИСКУССИИ

А.И. Кырлежев

«Постсекулярное»: возобновление дискуссии

Александр Иванович Кырлежев – научный редактор, журнал «Государство, религия, церковь в России и за рубежом», РАНХиГС. Российская Федерация, 19571, Москва, просп. Вернадского, д. 82;

e-mail: kyrlezhev@gmail.com
ORCID: 0009-0004-8783-2965

В статье излагается ставшая уже традиционной в отдельных направлениях религиоведения и социологии религии идея «постсекулярности», которая, с одной стороны, оспаривается в рамках иных исследовательских направлений, а с другой стороны, не привела к созданию ясной и последовательной теории, хотя и стала весьма популярной в публичной дискуссии. Защищая свою позицию, автор ссылается как на свои собственные работы по теме, так и на большой корпус текстов, в той или иной степени затрагивающих «тезис о постсекулярном», в том числе на исследования, посвященные понятиям «светское» и «религия» в аспекте их переосмысления в Новое время. Обсуждается секуляризм, понятый как идеология и квазирелигия, и его судьба в современном мире. Утверждается, что классическая европейская секуляризация к настоящему моменту закончилась в силу того обстоятельства, что секуляризм как общемировой цивилизационный проект потерпел крах не только в незападных контекстах, но и в зонах активной секуляризации, которая имела место в контекстах европейских, хотя и в разных формах – как геттоизации религии (на европейском западе), так и атеизации всего общества (как в странах, где реализовывался социалистический проект). Новая постсекулярная ситуация характеризуется как возвращение религии/религиозности не только в публичную сферу, но и в жизненный мир индивидов, актуализирующих разные формы религиозности, включая т.н. духовность. Таким образом, вопреки стандартному тезису о секуляризации, который предполагает снижение религиозности людей, современный мир демонстрирует ее новые формы, не обязательно связанные с долгими, доминирующими религиозными традициями и организациями. Автор считает, что ставшее стандартным в науке о религии представление об «истинно верующем» как максимально сознательном, осведомленном и религиозно активном индивиде следует отбросить, учитывая, что религиозность проявляется в самых разных формах, далеких от таких ригористических интерпретаций. Заключительная мысль автора

состоит в том, что в нынешней ситуации современная европейская дескрипция (описание, понимание) религии уже не может быть прескрипцией в отношении религии, т.е. требованием, к ней обращенным, что и является одним из аспектов «постсекулярного поворота».

Ключевые слова: религия, религиозность, секулярное, религиозное, секуляризация, секуляризм, постсекулярное, духовность, дескрипция, прескрипция

Ссылка для цитирования: Кырлежев А.И. «Постсекулярное»: возобновление дискуссии // *Философия религии: аналит. исслед.* / *Philosophy of Religion: Analytic Researches*. 2024. Т. 8. № 1. С. 20–36.

“Postsecular”: Renewing the Debate

Alexander I. Kyrlezhev

Journal «State, Religion and Church in Russia and Worldwide», Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadsky ave. 82, Moscow 19571, Russian Federation;

e-mail: kyrlezhev@gmail.com
ORCID: 0009-0004-8783-2965

The article outlines the idea of “postsecularity,” which has already become traditional in certain areas of religious studies and sociology of religion. On the one hand, it is contested within other research areas, and on the other hand, has not led to the creation of a clear and consistent theory, although it has become very popular in public discussion. In defending his position, the author refers both to his own works on the topic and to a large corpus of texts that to one degree or another touch upon the “post-secular thesis”, including studies devoted to the concepts of “secular” and “religion” in the aspect of their rethinking in modern times. Secularism, understood as an ideology and quasi-religion, and its fate in the modern world are discussed. It is argued that classical European secularization has now ended due to the fact that secularism as a global civilizational project has failed not only in non-Western contexts, but also in zones of active secularization, which took place in European contexts, albeit in different forms – both the ghettoization of religion (in the European West), and the atheism of the entire society (as in countries where the socialist project was being implemented). The new post-secular situation is characterized as the return of religion/religiosity not only to the public sphere, but also to the *Lebenswelt* of individuals who actualize various forms of religiosity, including the so-called spirituality. Thus, contrary to the standard thesis about secularization, which assumes a decline in people’s religiosity, the modern world demonstrates its new forms, not necessarily associated with long, dominant religious traditions and organizations. The author believes that the concept of a “true believer” as the most conscious, informed and religiously active individual, which has become standard in the science of religion, should be discarded, given that religiosity manifests itself in a variety of forms, far from such rigoristic interpretations. The author’s final thought is that in the current situation, the modern European *description* (understanding) of religion can no longer be a *prescription* for religion, that is, a requirement addressed to it, which is one of the aspects of the “post-secular turn”.

Keywords: religion, religiosity, secular, religious, secularization, secularism, post-secular, spirituality, description, prescription

Citation: Kyrlezhev A.I. “‘Postsecular’: Renewing the Debate”, *Philosophy of Religion: Analytic Researches*, 2024, Vol. 8, No. 1, pp. 20–36.

Тема про *постсекулярное* неожиданно ожила в последнее время в российском сообществе исследователей и дискуссионщиков. Весной 2023 г. ПСТГУ провел круглый стол под названием «Оправдалась ли концепция постсекулярного? К 15-летию стамбульского доклада Ю. Хабермаса “Против воинствующего атеизма”» [Аринин и др. 2023]. Далее последовали реакции некоторых участников¹, и дискуссия продолжается в настоящем номере журнала «Философия религии: аналитические исследования».

Я написал свою первую статью на тему «постсекулярности» двадцать лет назад [Кырлежев 2004]. Дискурсивная ситуация за это время сильно изменилась, и ныне соответствующая терминология стала весьма распространенной как в академической среде, так и в публичном пространстве.

Чем продиктован возврат к обсуждению этой темы в нашей, отечественной среде? Не берусь дать ответ. Во всяком случае, странно связывать тему «постсекулярного» только лишь с Хабермасом (как это сделали организаторы вышеупомянутого круглого стола). Здесь сошлюсь хотя бы на статью Кристины Штёкль и Дмитрия Узланера «Четыре генеалогии постсекулярности» [Stoeckl, Uzlaner 2019], а также, конечно, на доклад покойного Дж. Бекфорда «Публичные религии и постсекулярное: критические размышления» (2012) [Beckford 2012], где он выделяет разные позиции и подходы (хотя сам не сторонник «постсекулярного подхода»), и, собственно, на *The Routledge Handbook of Postsecularity* [Routledge Handbook of Postsecularity 2019] – книгу в 436 страниц, включающую 36 статей, собранных в четыре раздела: «Философские размышления», «Теологические перспективы», «Теория, пространство и социальные отношения», «Политическое и социальное участие» (как видим из заголовков, постсекулярный ракурс имеет здесь множество дисциплинарных и тематических применений)².

Возможно, «постсекулярность» надоела, навязла в зубах, и надо эту идею либо развенчать (как это делает М.Ю. Смирнов в вышеупомянутой статье), либо придать ей новый креативный импульс.

В этой статье я повторю некоторые известные ходы мысли (в связи с обозначенной темой), а в конце предложу один ракурс, который, возможно, уточнит «тезис о постсекулярном».

¹ См., например: [Смирнов 2023].

² Среди других сборников укажем на следующие (не вполне новые): [Rethinking Secularism 2011; The Post-Secular in Question 2012] (на эти два сборника см. мою рецензию в журнале «Государство, религия, церковь в России и за рубежом» – 2012. № 2 (30). С. 301–312); [Varieties of Secularism in a Secular Age 2010; Discoursing the Post-Secular 2010; Exploring the Post-secular 2010; The Power of Religion in the Public Sphere 2011].

Первый момент – про «пост-». Что в смысловом отношении значит это добавление к старым словам/терминам: пост-колониальное, пост-советское, пост-индустриальное, пост-метафизическое, пост-модерное, пост-секулярное... Скорее всего, «пост-» говорит, с одной стороны, о том, что какое-то новое отстраивается от предыдущего, а с другой стороны – о том, что это новое не является новым всеобъемлющим проектом. Так, «новое» Ренессанса было другим проектом по сравнению со средневековым, а наши нынешние «пост-» таковыми не являются или, так сказать, не вполне являются (наверное, за исключением пост-индустриального).

Иначе говоря, «пост-» – это не о какой-то целостности, или тотальности, а именно о неопределенности, турбулентности и отсутствии возможности установить и легитимировать определенную общую систему координат. То есть «пост-» – это действительно новая ситуация, по сравнению даже с обществами XX в., в которых на смену старым режимам мысли и действия (наверху и внизу общества) приходит, так сказать, анти-режим: его можно назвать *плюрализмом*, явным или скрытым, который ныне работает во *всех* обществах (вплоть до раскола общества либо пополам, либо в других пропорциях). На наш взгляд, пост-секулярное следует вписывать в эту общую рамку. Потому что и домодерное «религиозное», и модерное «секулярное» как публичные всеобъемлющие системы мысли – это теперь уже старые режимы мысли, не соответствующие нынешней плюралистической турбулентности. Иначе говоря, «пост-» – это об отсутствии тотального общемирового проекта, каковыми были в недавнем прошлом (упрощая) метафизика, либерализм, социализм, модерн и – секуляризм.

Относительно употребляемых терминов «религиозное» и «светское» и их соотношения есть большая литература, но я хотел бы здесь обозначить один *факт*, который не только обнаружен, но и, на мой взгляд, достаточно хорошо описан: светское/секулярное в его новоевропейском понимании было *изобретено*, но это происходило параллельно с *изобретением* «религии»³ – опять же в Новое время. То есть то «светское», которое появляется, скажем, у Августина [Marcus 2006; Riedl 2012; Elshtain 2007], – это совсем не то, что возникает в Новое время. А то «религиозное», о котором говорили в Средние века, – это совсем не та «религия», как она стала пониматься в европейском пространстве уже в XIX в. Изобретением я здесь называю новую интерпретацию вышеозначенных понятий – в новых исторических условиях.

Другими словами, в европейском модерне возникла новая дихотомия религиозное/светское, и прежде всего потому, что светское/секулярное стало эмансипироваться от религиозного, обретая свою собственную «сущность» (чего не было раньше, а также в других, не западных культурах до сего дня).

Так появился *секуляризм* как квазирелигия, т.е. как такое миропонимание (идеология в широком смысле), которое отстраивается от религии, но строит

³ Об исторических трансформациях в понимании «религии» и ее «изобретении» в Новое время см.: [Штырков 2021] (там же и основная библиография). В качестве характерных публикаций приведем такие: [Masuzava 2005; The Invention of Religion 2002; Religion and The Secular 2007].

себя по ее, так сказать, лекалам, т.е. пытается вытеснить и заместить «старую» религию⁴.

Секуляризм – это идейная основа секуляризации: мир – принципиально имманентен, а религиозность – это просто примысленное, воображаемое, сфера человеческой жизни, которую изучает психология; никакого трансцензуса – как реального духовного выхода за границы мировой данности в иное, «запредельное», измерение бытия – нет и быть не может. Что-то *подобное* религиозному трансцензусу (скажем, «встрече с Богом») может случаться только в пространстве психического, т.е. в сугубо «здешнем» измерении (или – в «имманентной рамке», говоря в терминах описывающего «секулярный век» Чарльза Тейлора [Тейлор 2017]).

И здесь важно отметить, что секуляризм в этом смысле стал эксплицитной или имплицитной основой всех основных современных общественных практик: науки прежде всего, но также политики и культуры. Не совсем верен тезис о том, что религия в европейском модерне была повсеместно приватизирована, т.е. переведена в регистры индивидуальной и групповой жизни, ибо есть, в частности, недавние случаи ее публичности и даже «политичности»⁵, но структурно это было и есть именно так. С этим связана идея т.н. социальной функциональной дифференциации⁶: религия – всегда отдельно, наряду с другими социокультурными секторами. То есть она не репрессуруется, а просто структурно «геттоизируется».

Все это надо было напомнить для понимания «пост-секулярного».

Хитрость здесь в том, что добавление «пост-» отсылает к трем разным понятиям/концептам: секулярное, секуляризация, секуляризм⁷. Отсюда разные варианты: не только пост-секулярное, но и пост/де-секуляризация и пост-секуляризм. А это разные вещи. Не вдаваясь в детали (для этого надо было бы написать целую книгу), скажем главное: корень у этих слов один, и при всем разветвлении терминологического древа речь идет о том светском/секулярном, которое возникло и утвердилось в европейское Новое время⁸.

О чем здесь говорит приставка «пост-»?

На наш взгляд, она говорит об идеологическом провале секуляризма как мироориентации/идеологии/философии – в смысле его предполагавшегося общемирового, а порой даже локального доминирования. Имманентизм секуляризма – и научный, и научно-популярный – хотя и сохраняет значительное влияние, но не господствует в жизни людей. Религиозность разного рода, не всегда традиционная (но и она тоже), присутствует и воспроизводится.

⁴ О секуляризме как новой квазирелигии см. в моей статье: [Кырлежев 2012].

⁵ См. известную книгу Хосе Казановы «Публичные религии в современном мире»: [Casanova 1994].

⁶ См., например: [Luhmann 2012].

⁷ Полезный обзор и сравнение этих понятий см. в: [ван дер Зверде 2012].

⁸ См. основные работы Джона Милбанка «Теология и социальная теория: по ту сторону секулярного разума» (2006) [Милбанк 2022], Талала Асада «Возникновение секулярного: христианство, ислам, модерность» (2003) [Асад 2020], Чарльза Тейлора «Секулярный век» (2007) [Тейлор 2017].

Эпоха «научного разума», который, как предполагалось, заместит собой всю «мистику», закончилась⁹.

При этом светскость/секулярность, конечно, сохраняется и, как правило, правит бал – во многих западных странах, в России и в вестернизированных секторах незападных обществ. И, конечно, когда говорят о постсекулярном и даже о десекуляризации¹⁰, не следует это понимать как отмену или прекращение процесса секуляризации. Секуляризация как процесс снижения или утраты религиозности в индивидуальном измерении, а также как сепарация религии в измерении общественном – никуда не делась и местами продолжается. В этом смысле последовательные адепты тезиса о секуляризации по-своему правы. Модерный секуляризационный тренд неостановим – в том числе в силу капиталистического/потребительского характера современных обществ, специфики технологического развития, современных культурных практик и других факторов, с религией никак не связанных. Никуда не делся и тот феномен *светскости*, о котором писал тот же Чарльз Тейлор в своей известной книге.

Но – или вместе с тем – нельзя не замечать и другой, противоположный, тренд, который обычно обозначают как возвращение религии в публичное пространство, а также ее возвращение в частную жизнь – в смысле ее актуализации в индивидуальных идентичностях, ранее скорее светских, в которых «религиозное» пребывало в некоем спящем состоянии.

Что это за возврат?

Разумеется, это не то доминирование религиозного, которое характерно для десекулярных обществ (т.е. до того, как появляется понятие «светского общества», т.е. такого общества, в котором доминирует именно секулярность, а религиозное – где-то на обочине, в душе или в «гетто» религиозных общин). Старая – скажем, средневековая или какая-то «викторианская» парадигма – окончательно ушла в историческое прошлое и никакой практической реконструкции в настоящем не подлежит (опять же в силу тех факторов, о которых была речь выше). Но это не значит, что религия не может возвращаться в новых исторических условиях или – на новых условиях.

Смысл *десекуляризации* не в том, что секуляризация отменена и обращена вспять, а в том, что в ткани т.н. светского общества обнаруживаются религиозные элементы. Это можно посчитать парадоксом, но именно в этом главная идея Ю. Хабермаса: наша публичная сфера остается принципиально секулярной, но членами общества являются и «религиозные граждане» со своими *comprehensive doctrines*, говоря словами Дж. Ролза¹¹. Постсекулярная ситуация

⁹ См. тематический номер журнала «Отечественные записки» (тема: кризис рациональности) 2013. № 1 (52) (с нашей статьей «Секуляризм и постсекуляризм в России и в мире» [Кырлежев 2013б], а также со статьей Дмитрия Узланера «Картография постсекулярного» [Узланер 2013]) <https://magazines.gorky.media/oz/2013/1>.

¹⁰ Напомним здесь статью: [Карпов 2012].

¹¹ «*Comprehensive doctrine* – это набор убеждений, подтвержденных гражданами, относительно ряда ценностей, включая моральные, метафизические и религиозные приверженности, а также убеждений о личных добродетелях и политических взглядах на то, как должно быть устроено общество. Они формируют представление о добре и дают обоснованные суждения относительно того, “что имеет ценность в жизни, каковы идеалы личного характера, а также

характеризуется присутствием в самом секулярном – как общем, общественном – несекулярного, религиозного в его разных формах и проявлениях.

Возникает вопрос, о каких обществах идет речь.

Здесь мы сталкиваемся с некоей стратификацией. Есть общества, соразмерные государствам и большим регионам, есть общества локальные, а есть и т.н. мировое сообщество. На всех этих уровнях нынешнее присутствие религии различается, но при этом все эти «общественные» уровни некоторым образом связаны, хотя и в разной степени. Говорить о том, что есть некие универсальные, мировые тренды не приходится – для этого придется впасть в «модерную архаику».

То есть следует различать контексты. Хорошо было показано, как различаются в этом отношении западноевропейские общества и североамериканское [Berger 2008], которые можно считать светскими в принципе (в силу юридического или фактического отделения религии от государства), но не в смысле тотальной иррелигиозности граждан/населения.

Но есть и другой аспект проблемы. В вопросе о секулярности и постсекулярности нельзя обойти тему т.н. «духовности» (*spirituality*) [Ореханов, Колкунова 2017]. Что это: форма современной религиозности или что-то совсем другое?

В недавнем исследовании «Духовность у американцев» (декабрь 2023 г.) авторитетного Pew Research Center¹² приводятся интересные данные. В подзаголовок вынесено: «7 из 10 взрослых американцев обозначают себя как в некотором смысле духовных, включая 22%, которые заявляют себя духовными, но не религиозными». Обобщенные данные такие: 83% взрослого населения США верят, что помимо физического тела у людей есть душа или дух; 81% говорят, что за пределами естественного мира есть что-то духовное, даже если мы этого не видим (вспомним здесь религиозное представление о трансцендусе, о чем было сказано выше); 74% говорят, что есть некоторые вещи, которые наука не может объяснить; 45% говорят, что у них внезапно возникло ощущение связи с чем-то из потустороннего мира; 38% говорят, что у них было стойкое ощущение, что кто-то из умерших общался с ними из другого мира; 30% говорят, что лично столкнулись с духом или невидимой духовной силой. При этом, когда респондентов спросили об их нынешней религии, 45% ответили, что они связаны с какой-то религией (в том числе 21% идентифицируют себя как протестанты и 12% – как католики), в то время как 54% говорят, что они религиозно не аффилированы (т.е. атеисты, агностики или «ничего конкретного»).

Предыдущее исследование названного центра показало снижение религиозной аффилиации американцев: в декабре 2021 г. трое из десяти взрослых

идеалы дружбы, семейных и ассоциативных отношений и многое другое, что должно влиять на наше поведение и в пределе на нашу жизнь в целом» (*Political Liberalism* 13). Ролз утверждает, что в обществе с историей демократических институтов граждане будут выступать с утверждением различных и несовместимых всеобъемлющих доктрин» [Voice 2014].

¹² См.: *Spirituality Among Americans*: <https://www.pewresearch.org/religion/2023/12/07/spirituality-among-americans/>.

не были связаны с какими-либо деноминациями; само-идентифицирующие христиане составляли 63% населения – против 75% десять лет назад¹³.

Таким образом, в американском обществе налицо снижение институциональной религиозности при своего рода «цветении» т.н. духовности.

(При этом другое исследование показало: «Доля американцев, считающих себя атеистами, за последнее десятилетие скромно, но значительно увеличилась. Телефонные опросы Исследовательского центра Pew, проведенные в 2018 и 2019 гг., показывают, что 4% взрослых американцев отвечают, что они атеисты, когда их спрашивают об их религиозной принадлежности, по сравнению с 2% в 2009 г. Еще 5% американцев называют себя агностиками, по сравнению с 3% десятилетие назад»¹⁴).

О чем все это говорит? Вряд ли о победе светскости в современном смысле – как а-религиозности или анти-религиозности. И на фоне этих данных только ригористы/секуляристы в сфере религиоведения или социологии религии могут продолжать утверждать, что секуляризация идет поступательным темпом. И наоборот, т.н. постсекуляристы вполне обоснованно могут говорить о том, что нынешняя трансформация (хотя бы частичная) религии в духовность – это тоже постсекулярный тренд. Потому что в данном случае очевидно религиозные элементы (т.е. характерные для старых религиозных традиций) обнаруживают живучесть и даже местами развитие, но уже – после секуляризации и секуляризма, т.е. после такого понимания религии, которое возобладаало в «секуляризационном моменте» истории.

Религиоведы-«секуляристы» говорят: мы изучаем трансформации религии/религий, но секуляризация продолжается. А «постсекуляристы» говорят: нет, классическая «европейская» секуляризация закончилась в качестве императивной составляющей модернизации. Нынешняя модерность – а скорее современность не как *modernity*, а как *contemporaneity* – может включать дальнейшее институциональное ослабление религий (да и то не везде), но она уже не ведет к «светлому секулярному будущему» передовых обществ и тем более – всего мира. Это и есть – постсекулярность. А еще точнее – пост-секуляризм как ослабление и разрушение секуляристской доминанты, которая в западных и некоторых незападных странах достигла своего пика где-то в середине XX в., но к его концу постепенно стала утрачивать качество доминанты.

Иначе говоря, на локальном уровне в основной зоне секуляризации – даже в европейском ареале, не говоря уже об американском – остаются пространства, где религиозность в разных формах выражена и актуальна. И, скажем, в секулярной Европе сохраняется и институциональная, и иная религиозность (и первая гораздо более сильна, чем в России с ее 2–3% практикующих православных)¹⁵. А в мировом масштабе вообще затруднительно говорить об упадке

¹³ См.: About Three-in-Ten U.S. Adults Are Now Religiously Unaffiliated: <https://www.pewresearch.org/religion/2021/12/14/about-three-in-ten-u-s-adults-are-now-religiously-unaffiliated/>.

¹⁴ См.: 10 facts about atheists: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2019/12/06/10-facts-about-atheists/>.

¹⁵ См. данные Pew Research Center (2018): Being Christian in Western Europe: <https://22century.ru/popular-science-publications/being-christian-in-western-europe?ysclid=lr9hdx5yyu769442533>.

религии/религиозности, если иметь в виду весь незападный мир. То есть победившая секулярность и формат светского общества – это исключительный феномен, который мы наблюдаем лишь в определенных мировых регионах.

Это конкретизирует весь разговор о постсекулярном. Об этом можно говорить лишь применительно к тем обществам, которые пошли по пути секуляризации, т.е. о европейских обществах, принадлежащих к христианскому ареалу, а также о таких незападных, как, скажем, Иран, Турция и даже Израиль. И потому здесь есть ловушка: постсекулярность как универсальная парадигма не работает. В незападных обществах она работает только, если они в свое время пережили периоды «сильной» вестернизации, или же применительно к секуляризованным (в той или иной степени) общественным секторам, т.е., так сказать, не тотально¹⁶. В данном случае интересна и показательна знаменитая фраза Питера Бергера во вступительной статье к сборнику «Десекуляризация мира» о том, что мир до сих пор яростно религиозен [Berger 1999]. Это было сказано из западного академического пространства, в котором тезис о секуляризации ранее был очевидной универсальной догмой.

Отсюда как минимум два смысла постсекулярного.

Второй – бергеровский – смысл в том, что «западные секуляристы» (каким сам Бергер был в 1960-е гг.) увидели мир в целом и поняли, что религия/религиозность не исчезают, но всегда присутствуют в современных несекулярных обществах и культурах, и европейская «секуляризация» их, так сказать, не берет до конца в оборот.

А первый смысл связан с тем, что в обществах, переживших секуляризацию, опирающуюся на идеологию секуляризма, секуляризация не достигла своих тотальных целей, т.е. не уничтожила религию/религиозность, которая живет и воспроизводится в самых разных формах и проявлениях, хотя и трансформируется.

Религиозность – многообразна, многоаспектна, она включает в себя не только соответствующие ментальные конструкты, но и бытовые переживания, а также имеет – в той или иной степени – даже политические коннотации. Мы все знаем, что комсомолки 1920-х стали ходить в церковь в 1960-е и позднее. Мы помним, как в позднесоветское время интеллигенты стали обращаться к церкви как к мыслительному и практическому пространству, альтернативному советской идеократии и соответствующему праксису.

Но вот громкий и показательный пример уже в начале нашего века – т.н. «Дело о распятиях» в Европейском суде по правам человека (2006–2011).

Относительно российской ситуации см.: Настоящих православных в России менее 1 процента?! (6 мая 2002 г.): <https://dzen.ru/a/XrKDHnOGIXyKyHNY?experiment=942751>; Кемеров И. Посещаемость храмов на Рождество в РФ по данным МВД (14 января 2024 г.): <https://fishki.net/anti/4562129-posewaemosty-hramov-na-rozhdestvo-v-rf-po-dannym-mvd.html>.

¹⁶ См. известный сборник (переживший немало переизданий) под редакцией индийского ученого Раджива Бхаргавы – с особым акцентом на ситуацию в Индии: [Secularism and Its Critics 1998].

Не вдаваясь в детали¹⁷, об этом деле можно кратко сказать так: оно обнаружило кризис радикального европейского секуляризма, а также правосознания в области религиозно-общественных отношений. Не только религиозные акторы, но и вполне светская общественность Италии, а также несколько европейских государств, которые через своих представителей участвовали в процессе на его завершающей стадии, отвергли радикальный секуляризм, с позиций которого выступал заявитель. В материалах дела было, в частности, отмечено, что «секуляризм» со стороны государств является не меньшей проблемой, чем какой-либо религиозный прозелитизм. Светское общество и государственные власти встали на защиту религиозных символов (при этом иногда называя распятие «светским символом»), воспротивившись дистиллированной секулярности. И это один из примеров постсекулярности.

Этот судебный процесс также указал на важный аспект, касающийся понимания религиозности в обществах, переживших секуляризацию. Да, многие итальянцы, считая себя католиками по конфессиональной принадлежности, не следуют в своей жизни строгим религиозным нормам и редко бывают в церкви, но – распятие в школьной классной комнате они воспринимают как такой «элемент», который соответствует их идентичности. Это можно назвать непрямой или скрытой религиозностью, что некоторым образом соответствует понятию «викарной религии», введенному социологом Грейс Дейви¹⁸.

Другими словами, говоря сегодня о религиозном и религиозности, уже странно понимать их столь ригористически, как это еще недавно было принято в религиоведении и социологии религии (по крайней мере, в мейнстриме): религиозный субъект как глубоко погруженный, осведомленный, осознанный, активно практикующий, включенный в определенную общину веры и проч. – вопреки секуляризации. Такое конструирование религиозного субъекта («истинно верующего») – совершенно современное и вполне секулярное предприятие. Скажем, средневековая религиозность не была такой у большинства, за исключением клириков (да и то не всех – вспомним малограмотных русских попов, о которых печалился Геннадий Новгородский [Кирилин 2010]). Постсекулярным поэтому можно считать новое отношение к религии, которое предполагает отказ от жесткого современного понимания «религии» и «религиозного человека».

¹⁷ Я подробно описал этот кейс в статье: [Кырлежев 2013а]. Суть дела: гражданка Италии Сойле Лаутси, радикальная секуляристка, подала жалобу в Европейский суд по правам человека против Итальянской республики, протестуя против того, что в государственной школе, где учились ее дети, в классах на стене размещено распятие, ибо, по ее мнению, это нарушало ее права на свободу мысли, совести и религии, так как распятие является религиозным символом. Первое решение ЕСПЧ было в пользу заявительницы, однако второе, окончательное, отклонило иск против присутствия распятий в итальянских школах.

¹⁸ См., например: [Davie 2006]. См. также статью «Викарная религия» в электронной версии Большой Российской энциклопедии: «Викарная религия – особая форма религиозности, при которой “религия практикуется активным меньшинством от лица гораздо большего числа людей, не просто понимающего (как минимум имплицитно), но и отчетливо одобряющего то, что делает это меньшинство”» (ссылка на Г. Дейви).

Наконец, возьмем, так сказать, медийный аспект. На запрос *Post-Secular* 4 января 2024 г. Гугл дает 74,4 млн ссылок (в 2003 г. давал 7 тыс.). Это касается и научных журналов (прежде всего), и разного рода «публицистики». Термин или термины с соответствующим корнем прочно вошли в узус. Конечно, противники «постсекулярного» могут сказать, что они – в благородном меньшинстве среди тех, кто «против течения». Но дискурс – налицо. И за ним вряд ли можно увидеть только моду – здесь очевидная интуиция. Потому что рекомый термин указывает опять же именно на «пост-» – *после* классической европейской секуляризации, *после* ожидавшегося триумфа секуляризма по всему миру, *после* того понимания светскости, которое было характерно для динамичного модерна и порожденных им модернизаций. Можно отбросить как «модные», скажем, 7 млн ссылок, но останется немало. Термин работает как указание на некий «тезис» (симметрично старому, устоявшемуся выражению «тезис о секуляризации» – *secularisation thesis*) или, говоря нынешним языком, как мем, задавая дискурсивную рамку для обсуждения разных современных проблем. *Post-Secular* нельзя назвать концептом, потому что соответствующей развернутой и максимально обоснованной *теории* в традиционном смысле – нет, а есть лишь множество авторских интерпретаций в разных дисциплинарных областях. Но он уместен, потому что отражает ситуацию, атмосферу, глобальный контекст, а также конкретные локальные. В этом термине есть некая эвристичность, которую уже давно утратили ригидные схемы последовательных сторонников тезиса о секуляризации. И именно об этой эвристичности свидетельствует то множество публикаций и исследований, на которые мы ссылались выше (подробный анализ этих публикаций потребовал бы большой работы и большого текста¹⁹).

Подведем итоги.

Постсекулярность в первом вышеуказанном значении – это выход религии в публичную сферу, куда ей раньше путь был заказан, – выход и институциональный (в смысле религиозных сообществ), и индивидуальный (в смысле открытой самоидентификации). Церковь (мечеть, синагога и др.) стала уважаемым институтом, и декларировать свою индивидуальную религиозность стало незасорным – скорее полезным. То есть религиозность перестала быть – по крайней мере в постсоветском контексте – девиацией; она стала одной из норм. И это есть постсекулярность в нашем российском контексте, ибо до того мы имели дело с (особой) советской секуляризацией – в форме атеизации всех и вся.

Секуляризация на т.н. Западе была иной. Там частная и групповая религиозность не преследовалась, но при этом маргинализировалась на уровне государства и общества в целом. Религия вытеснялась из публичного пространства, но как частное мировоззрение и практика не подавлялась. В этом смысл понятия «приватизация религии». Личная вера – да, добровольные ассоциации религиозных граждан – да, культурная традиция, насыщенная религиозными

¹⁹ В качестве обобщающего обзора укажем на заключительную статью авторства Эдуардо Мендьеты и Джастина Бомонта с характерным названием «Reflexive secularization» в вышеуказанном сборнике *The Routledge Handbook of Postsecularity* [Mendieta, Beaumont 2019].

образами – да, но только не актуальное присутствие религии в «здесь и сейчас» политики и общей/общественной жизни. В школах преподают религию для желающих, но доминирует т.н. научное мировоззрение.

Где же теперь – здесь и там – постсекулярное?

Оставим в стороне многообразие интерпретаций, и укажем лишь на один аспект темы.

В старом секуляризованном пространстве религия – как антагонист светскости, захватившей почти все пространство публичной жизни, – была понята в ее новоевропейском смысле и отвергнута в качестве мироустроющего начала. Религия была описана как то, чего не должно быть в общем пространстве, в самой конституции общества и государства (принцип отделения религии/церкви от государства, хотя не всегда юридического²⁰). Так называемое светское общество – это в данном случае следствие светского государства, объединяющего под своей эгидой всех граждан. Иначе говоря, *дескрипция* религии порождает соответствующую *прескрипцию*. Это было так и в науке о религии, и в доминирующей политической философии, и в государственной политике.

Термин «постсекулярное» указывает на *разрыв* между дескрипцией и прескрипцией: это ситуация, когда «описываемое» получает свободу от «предписываемого».

Мы сегодня кроим религию не по лекалам новоевропейского режима мысли, порожденного вполне определенным контекстом, а в таком исследовательском ракурсе, который позволяет сталкиваться с религиозными феноменами и реальностями, каковы они суть в себе и в своих собственных контекстах. И мы должны согласиться с тем, что никакой «дистиллированной» религии – т.е. такой, которая отделена от всего иного – нет и быть не может. Религия всегда включена в культурную ткань и в повседневные практики людей, она *диффузна* [Кырлежев 2012], и это относится не только к западным религиям, но и к христианству в Европе и в Америке, а также в России. И то же самое касается светскости, которая по-разному актуализируется в Северной и Южной Европе, во Франции и в Турции, в США и в постсоветских странах.

Пост-секулярное – это новая ситуация, когда секуляристские прескрипции относительно религии/религиозного уже не работают как самоочевидные (вспомним опять «Лаутси-кейс»). Следует отдавать себе отчет в том, что эти прескрипции – локальные или региональные по отношению ко всему обитаемому миру. Но в нашем евроцентричном мире они остаются доминирующими, по крайней мере, в пространстве социо-гуманитарной науки и государственной политики. При этом и не только в этой науке, а также в обыденной жизни, но и в государственной политике старые подходы уже не работают. Религия и религиозность заявляют о себе именно в самих недрах т.н. светского общества.

Это новое религиозное присутствие проявляется по-разному.

С одной стороны, есть не только практикующие православные христиане, но и «православные неверующие» (т.е. бывает такая «религиозность», которая, так сказать, вдвойне «викарная»); с другой стороны, есть практикующие

²⁰ См., например, классическое сочинение Джона Локка «Послание о веротерпимости».

и не совсем «этнические мусульмане»; с третьей – очень разные индивиды и группы, находящиеся в религиозном поиске и конструирующие свои собственные «религии», заимствуя их элементы из разных традиций и религиозных инноваций. Этот список можно продолжать.

Дело не просто в том, что религиозность живет и творчески развивается в самом светском обществе, а в том, что она является значимым фактором общественной жизни – присутствует в новостях, вторгается в культурный контекст и даже в политику. Это и есть постсекулярность – в том смысле, что старая секулярность, опиравшаяся на идеологию или философию секуляризма, уходит в прошлое, утрачивая свою убедительность в публичном и индивидуальном пространствах²¹.

Постсекулярность – это постсекуляризм. Под властью секуляризма (будь то западный или советский) религия – нелегитимна; точнее, должна быть вытеснена в общественное и индивидуальное «подполье» (таков был посыл не только советской власти, но и, опять же, заявителя Лаутси в «Деле о распятиях»). Но когда она вновь становится легитимной – это значит, наступила постсекулярная эпоха. То есть, говоря в предложенных нами терминах, старая дескрипция перестает быть одновременно и актуальной прескрипцией.

Но есть и другой важный аспект, о котором уже было сказано: постсекулярное не предполагает «постсекуляризма» как нового проекта. *Постсекулярное* – это не готовая теория, не стандартная парадигма, не новая схема и не ключ ко всем современным проблемам. Это ситуация «пост-» потому, что *новой схемы нет*. Скорее, это выход за пределы старой парадигмы – в открытое пространство «неясного и нерешенного», которое обнаружилось после «ясных времен эпохи поступательной секуляризации».

Отсюда неготовность и нежелание некоторых религиоведов принимать термин «постсекулярное» и работать с ним. Им удобно оставаться в секуляристской парадигме и из нее противостоять предполагаемым попыткам возродить какую-то старую религиозную парадигму (которая в современных условиях в принципе невозможна, и потому с ней бороться просто бессмысленно). Кажется, что такие религиоведы пока еще заморожены секуляризмом любого образца.

Напротив, постсекулярный подход, ставший столь популярным в науке и в медиа, открывает новые возможности рассматривать религию, религиозность, а также светскость в разных ракурсах, свободных от старого и устаревшего секуляристского догматизма. Скажем так: идеи постсекулярности или десекуляризации не вполне укладываются в концепцию Куна о смене парадигм, но в какой-то степени они в куновскую концепцию все-таки укладываются. Во всяком случае, это отсылает к идее о «нормальной науке», которая должна со временем пережить кризис и выйти к новым горизонтам.

---

²¹ В связи с этим обращу внимание на исследование Дж. Бланкхольма «Секулярный парадокс. О религиозности нерелигиозных» [Blankholm 2022].

Список литературы

Аринин и др. 2023 – Аринин Е.И., Астапов С.Н., Антонов К.М., Гипп К.С., Замаренков М.Ю., Мирошникова Е.М., Носачев П.Г., Смирнов М.Ю., Соловьев А.П., Степанова Е.А., Шохин В.К. Оправдалась ли концепция постсекулярного? К 15-летию стамбульского доклада Ю. Хабермаса «Против воинствующего атеизма» // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2023. Вып. 108. С. 115–152.

Асад 2020 – Асад Т. Возникновение секулярного: христианство, ислам, модернизм. М.: НЛО, 2020.

ван дер Зверде 2012 – ван дер Зверде Э. Осмысливая «секулярность» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 1 (30). С. 69–113.

Карпов 2012 – Карпов В. Концептуальные основы теории десекуляризации // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2. С. 114–164.

Кирилин 2010 – Кирилин В.М. Русская образованность в X–XV веках // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 15 / Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН; Общество исследователей Древней Руси; отв. ред. О.А. Туфанова. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. С. 427–428.

Кырлежев 2004 – Кырлежев А. Постсекулярная эпоха // Континент. 2004. № 120 (2). С. 252–264.

Кырлежев 2012 – Кырлежев А. Постсекулярная концептуализация религии: к постановке проблемы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2 (30). С. 52–68.

Кырлежев 2013а – Кырлежев А. «Дело о распятиях» в Европейском суде — в постсекулярной перспективе // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. № 2 (31). С. 233–269.

Кырлежев 2013б – Кырлежев А. Секуляризм и постсекуляризм в России и в мире // Отечественные записки. 2013. № 1 (52). URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2013/1> (дата обращения: 14.12.2023)

Милбанк 2022 – Милбанк Дж. Теология и социальная теория: по ту сторону секулярного разума. М.: Теозстетика, 2022.

Ореханов, Колкунова 2017 – Ореханов Г., прот., Колкунова К.А. «Духовность» – дискурс и реальность. М.: Изд-во ПСТГУ, 2017.

Смирнов 2023 – Смирнов М.Ю. Перманентная секуляризация или постсекулярное общество? Современные трансформации религии в ракурсе исследовательской рефлексии // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2023. № 3. С. 134–152.

Тейлор 2017 – Тейлор Ч. Секулярный век. М.: ББИ, 2017.

Узланер 2013 – Узланер Д.А. Картография постсекулярного // Отечественные записки. 2013. № 1 (52). С. 175–192.

Штырков 2021 – Штырков С. Религия, или Узы благочестия. Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021.

Beckford 2012 – Beckford, James A. SSSR Presidential Address Public Religions and the Postsecular: Critical Reflections // Journal for the Scientific Study of Religion. 2012. Vol. 51 (1). P. 1–19.

Berger 1999 – Berger P.L. «The Desecularization of the World: A Global Overview» in The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics. Washington, D.C.: Ethics and Public Policy Center; Grand Rapids, MI: W.B. Eerdmans Pub. Co., 1999. P. 1–18.

Berger 2008 – Berger P., Davie G., Fokas E. Religious America, Secular Europe? A Theme and Variations. Farnham & Burlington: Ashgate, 2008.

Blankholm 2022 – *Blankholm J.* The Secular Paradox. On the Religiosity of the Not Religious. N.Y.: New York University Press, 2022.

Casanova 1994 – *Casanova J.* Public religions in the modern world. Chicago: University of Chicago Press, 1994.

Davie 2006 – *Davie G.* Vicarious Religion: A Methodological Challenge // *Everyday Religion. Observing Modern Religious Lives* / Ed. by N.T. Ammerman. N.Y.: Oxford University Press, 2006. P. 21–36.

Discursing the Post-Secular 2010 – *Discursing the Post-Secular. Essays on the Habermasian Post-Secular Turn* / Ed. by P. Losonczy, A. Singh. Münster: LIT-Verlag, 2010.

Elshtain 2007 – *Elshtain J.B.* Augustine // *The Blackwell Companion to Political Theology* / Ed. by P.M. Scott, W.T. Cavanaugh. Malden, MA & L.: Blackwell, 2007.

Exploring the Postsecular 2010 – *Exploring the Postsecular: The Religious, the Political and the Urban* / Ed. by A.L. Molendijk, J. Beaumont, Chr. Jedan. Leiden; Boston: Brill, 2010.

Invention of Religion 2002 – *The Invention of Religion. Rethinking Belief in Politics and History* / Ed. by D.R. Peterson and D.R. Walhof. New Brunswick, New Jersey and London: Rutgers University Press, 2002.

Luhmann 2012 – *Luhmann N.* A Systems Theory of Religion. Stanford, CA: Stanford University Press, 2012.

Marcus 2006 – *Marcus R.A.* Christianity and the Secular. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 2006.

Masuzava 2005 – *Masuzava T.* The Invention of World Religions, or How European Universalism Was Preserved in the Language of Pluralism. Chicago & L.: The University of Chicago Press, 2005.

Mendieta, Beaumont 2019 – *Mendieta E., Beaumont J.* Reflexive Secularization // *The Routledge Handbook of Postsecularity* / Ed. by J. Beaumont. L. & N.Y.: Routledge, 2019. P. 425–437.

Post-Secular in Question 2012 – *The Post-Secular in Question: Religion in Contemporary Society* / Ed. by Ph.S. Gorski, D.K. Kim, J. Torpey, and J. VanAntwerpen. N.Y. & L.: New York University Press, 2012.

Power of Religion in the Public Sphere 2011 – *The Power of Religion in the Public Sphere* / Ed. by E. Mendieta, J. VanAntwerpen. N.Y.: Columbia University Press, 2011.

Religion and The Secular 2007 – *Religion and The Secular. Historical and Colonial Formation* / Ed. by T. Fitzgerald. L. & Oakville: Equinox, 2007.

Rethinking Secularism 2011 – *Rethinking Secularism* / Ed. by C. Calhoun, M. Juergensmeyer, J. VanAntwerpen. Oxford: Oxford University Press, 2011.

Riedl 2012 – *Riedl M.* The Secular Sphere in Western Theology: A Historical Reconsideration // *The Future of Political Theology* / Ed. by P. Losonczy, M. Luoma-aho, A. Singh. Aldershot: Ashgate, 2012. P. 11–22.

Routledge Handbook of Postsecularity 2019 – *The Routledge Handbook of Postsecularity* / Ed. by J. Beaumont. L. & N.Y.: Routledge, 2019.

Secularism and Its Critics 1998 – *Secularism and Its Critics* / Ed. by R. Bhargava. Oxford & N.Y.: Oxford University Press, 1998.

Stoeckl, Uzlaner 2019 – *Stoeckl K., Uzlaner D.* Four Genealogies of Postsecularity // *The Routledge Handbook of Postsecularity* / Ed. by J. Beaumont. L. & N.Y.: Routledge, 2019. P. 269–279.

Varieties of Secularism 2010 – *Varieties of Secularism in a Secular Age* / Ed. by M. Warner, J. VanAntwerpen, C. Calhoun. Cambridge: Harvard University Press, 2010.

Voice 2014 – *Voice P.* Comprehensive Doctrine // *The Cambridge Rawls Lexicon* / Ed. by J. Mandle and D.A. Reidy. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 126–129.

References

- Arinin, Ye.I., Astapov, S.N., Antonov, K.M., Gipp, K.S., Zamarenkov, M.Yu., Miroshnikova, Ye.M., Nosachyov, P.G., Smirnov, M.Yu., Solov'yov, A.P., Stepanova, Ye.A., Shokhin, V.K. "Opravdalas' li kontsepsiya postsekulyarnogo? K 15-letiyu stambul'skogo doklada Yu. Habermasa 'Protiv voinstvuyushchego ateizma'", [Is the Concept of the Postsecular Justified? On the 15th Anniversary of J. Habermas' Istanbul Report "Against 'Militant Atheism'"], *Vestnik PSTGU. Seriya I: Bogosloviye. Filosofiya. Religiovedeniye* [St. Tikhon's University Review, Series I: Theology, Philosophy, Religious Studies], 2023, Vol. 108, pp. 115–152. (In Russian)
- Asad, T. *Vozniknoveniye sekulyarnogo: khristianstvo, islam, modernost'* [Formations of the Secular: Christianity, Islam, Modernity]. Moscow: NLO Publ., 2020. (In Russian)
- Beaumont, J. (ed.) *The Routledge Handbook of Postsecularity*. London & New York: Routledge, 2019.
- Beckford, J.A. "SSSR Presidential Address Public Religions and the Postsecular: Critical Reflections", *Journal for the Scientific Study of Religion*, 2012, Vol. 51, No. 1, pp. 1–19.
- Berger, P., Davie, G., Fokas, E. (eds.) *Religious America, Secular Europe? A Theme and Variations*. Farnham & Burlington: Ashgate, 2008.
- Berger, P.L. "The Desecularization of the World: A Global Overview", in: *The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics*. Washington, D.C.: Ethics and Public Policy Center; Grand Rapids, MI: W.B. Eerdmans Publ. Co., 1999, pp. 1–18.
- Bhargava, R. (ed.) *Secularism and Its Critics*. Oxford & New York: Oxford University Press, 1998.
- Blankholm, J. *The Secular Paradox. On the Religiosity of the Not Religious*. New York: New York University Press, 2022.
- Calhoun, C., Juergensmeyer, M., VanAntwerpen, J. (eds.) *Rethinking Secularism*. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Casanova, J. *Public religions in the modern world*. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- Davie, G. "Vicarious Religion: A Methodological Challenge", in: *Everyday Religion. Observing Modern Religious Lives*, ed. by N.T. Ammerman. New York: Oxford University Press, 2006, pp. 21–36.
- Elshtain, J.B. "Augustine", *The Blackwell Companion to Political Theology*, ed. by P. Scott, W.T. Cavanaugh. Malden, MA & London: Blackwell, [2004] 2007.
- Fitzgerald, T. (ed.) *Religion and The Secular. Historical and Colonial Formation*. London and Oakville: Equinox, 2007.
- Gorski, P.S., Kim, D.K., Torpey, J., and VanAntwerpen, J. (eds.) *The Post-Secular in Question: Religion in Contemporary Society*. New York & London: New York University Press, 2012.
- Karpov, V. "Kontseptual'nyye osnovy teorii desekulyarizatsii" [The Conceptual Foundations of the Desecularization Theory], *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide], 2012, No. 2, pp. 114–164. (In Russian)
- Kirilin, V.M. "Russkaya obrazovannost' v X–XV vekah" [Russian Education in the 10th–15th Centuries], *Germenevtika drevnerusskoy literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature], 2010, pp. 427–428. (In Russian)
- Kyrlezhev, A. "Delo o raspyatiyah' v Evropeyskom sude – v postsekulyarnoy perspective" ["The Case of Crucifixions" in the European Court: A Postsecular Reading], *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide], 2013, Vol. 2, No. 31, pp. 233–269. (In Russian)
- Kyrlezhev, A. "Postsekulyarnaya epokha" [The Postsecular Age], *Kontinent*, 2004, Vol. 120, pp. 252–264. (In Russian)

Kyrlezhev, A. "Postsekulyarnaya kontseptualizatsiya religii: k postanovke problemy" [Post-secular Conceptualization of Religion: Towards the Formulation of the Problem], *Gosudarstvo, religii, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide], 2012, Vol. 2, No. 30, pp. 52–68. (In Russian)

Kyrlezhev, A. "Sekulyarizm i postsekulyarizm v Rossii i v mire" [Secularism and Postsecularism in Russia and in the World], *Otechestvennyye Zapiski*, 2013, Vol. 52 [https://magazines.gorky.media/oz/2013/1, accessed on: 14.12.2023] (In Russian)

Losonczy, P., Singh, A. (eds.) *Discoursing the Post-Secular. Essays on the Habermasian Post-Secular Turn*. Münster: LIT-Verlag, 2010.

Luhmann, N. *A Systems Theory of Religion*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2012.

Marcus, R.A. *Christianity and the Secular*. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 2006.

Masuzava, T. *The Invention of World Religions, or How European Universalism Was Preserved in the Language of Pluralism*. Chicago & London: The University of Chicago Press, 2005.

Mendieta, E., Beaumont, J. "Reflexive Secularization", in: *The Routledge Handbook of Post-secularity*, ed. by Justin Beaumont. New York: Routledge, 2019, pp. 425–437.

Mendieta, E., VanAntwerpen, J. (eds.) *The Power of Religion in the Public Sphere*. New York: Columbia University Press, 2011.

Milbank, J. *Teologiya i sotsial'naya teoriya: po tu storonu sekulyarnogo razuma* [Theology and Social Theory: Beyond the Secular Mind]. Moscow: Teoestetika Publ., 2022. (In Russian)

Molendijk, A.L., Beaumont, J., Jedan, C. (eds.) *Exploring the Postsecular: The Religious, the Political and the Urban*. Leiden-Boston: Brill, 2010.

Orekhov, G., prot., Kolkunova, K.A. *'Dukhovnost' – diskurs i real'nost'* [Spirituality – Discourse and Reality]. Moscow: St. Tikhon's Orthodox University, 2017. (In Russian)

Peterson, D.R., Walhof, D.R. (eds.) *The Invention of Religion. Rethinking Belief in Politics and History*. New Brunswick, New Jersey & London: Rutgers University Press, 2002.

Riedl, M. "The Secular Sphere in Western Theology: A Historical Reconsideration", in: *The Future of Political Theology*, ed. by P. Losonczy, M. Luoma-aho, A. Singh. Aldershot: Ashgate, 2012, pp. 11–22.

Shtyrkov, S. *Religiya, ili Uzy blagochestiya* [Religion or the Bonds of Piety]. St. Petersburg: EUSP Press, 2021. (In Russian)

Smirnov, M.Yu. "Permanentnaya sekulyarizatsiya ili postsekulyarnoye obshchestvo? Sovremennyye transformatsii religii v rakurse issledovatel'skoy refleksii" [Permanent Secularization or Post-Secular Society? Modern Transformations of Religion in the Perspective of Research Reflection], in: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal], 2023, No. 3, pp. 134–152. (In Russian)

Stoeckl, K., Uzlaner, D. "Four Genealogies of Postsecularity", in: *The Routledge Handbook of Postsecularity*, ed. by Justin Beaumont. London & New York: Routledge, 2019, pp. 269–279.

Taylor, C. *Sekulyarnyy vek* [A Secular Age]. Moscow: BBI Publ., 2017. (In Russian)

Uzlaner, D.A. "Kartografiya postsekulyarnogo" [Cartography of the Postsecular], in: *Otechestvennyye Zapiski*, 2013, Vol. 1, No. 52, pp. 175–192. (In Russian)

Voice, P. "Comprehensive Doctrine", in: *The Cambridge Rawls Lexicon*, ed. by Jon Mandle and David A. Reidy. Cambridge: Cambridge University Press, 2014, pp. 126–129.

Warner, M., VanAntwerpen, J., Calhoun, C. (eds.) *Varieties of Secularism in a Secular Age*. Cambridge: Harvard University Press, 2010.

Zveerde, E. van der "Osmyslivaya 'sekulyarnost'", *Gosudarstvo, religii, cerkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide], 2012, Vol. 1, No. 30, pp. 69–113. (In Russian)